

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1759-1769
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1759

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Factors Hindering Distribution of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the XIX – early XX centuries

Zakish T. Sadvokassova ^a, Ziyabek Ye. Kabuldinov ^a, Yulia A. Lysenko ^{b, *}

^aCh.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^bAltai State University, Russia Federation

Abstract

The article highlights certain factors that prevented the spread of Orthodoxy among the Kazakhs in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the basis of documentary sources, introduced into scientific circulation for the first time). The difficulties encountered in the activities of Orthodox missionaries were not always associated with indigenous population's and Islam priests' negative attitude towards the new religion. Often, the Kazakhs listened to the speeches of Orthodox preachers with interest and curiosity, and the preachers noticed this reaction of the nomads. Using this attitude, they focused on the points of interest in their enlightening conversation.

Some obstacles in the way of the propaganda of Orthodoxy were created by Russian settlers, which the missionaries could not foresee at all. Russian officials of the colonial administration, for example, verbally supported the activities of Orthodox missionaries. In fact, quite often, they “forgot” about their promises when the missionary left the newly baptized alone with the official. A number of other factors associated with the difficulties of introducing Orthodoxy among the Kazakhs were also created by Russian settlers. These include some traditions regarding the use of alcoholic beverages. The article provides information about the other obstacles.

Keywords: Russian settlers, baptized Kazakhs, Orthodoxy, obstacles, Islam, factors, obstacle, missionaries.

1. Введение

В последние десятилетия неизменным остается интерес к истории Российской империи с точки зрения формирования и развития ее как полиэтничного и поликонфессионального государства. Устойчивость крайне неоднородного российского имперского пространства во многом определялась стремлением политических кругов к его унификации и интеграции. Важным аспектом данной политики выступала миссионерская деятельность Русской православной церкви, призванная обеспечить культурно-языковую и духовно-мировоззренческую аккультурацию народов национальных окраин Российской империи. Казахское кочевое население выступило объектом внимания православных миссионеров в 60–70 гг. XIX в. и подверглось наименьшей степени их влияния. На фоне успеха других православных миссий XIX в., работавших в Зауралье, Сибири, на Крайнем Севере, научные интерес представляет попытка выявления причин и факторов данной ситуации.

2. Материалы и методы

Работа подготовлена на основе разнообразных по происхождению документальных материалов, которые можно условно объединить в несколько групп. Наиболее информативной

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), tungatar_k@mail.ru (Z.T. Sadvokassova), kabulzia@rambler.ru (Z.Ye. Kabuldinov)

группой стали документы делопроизводства региональных органов государственной и церковной власти Степного и Туркестанского генерал-губернаторств: переписка чиновников и церковных служащих по вопросам развития миссионерства в Степи, отчеты миссионеров Алтайской и Киргизской миссий Томской епархии, Православной миссии Оренбургской епархии о своей работе; донесения и рапорты, отражающие миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди казахского населения. Вторая группа источников – нормативно-правовые акты Российской империи (прежде всего Временные положения об управлении регионом 60–90 гг. XIX в.), позволяющие выявить эволюцию этноконфессиональной политики государства в Степи, определить направления социальной политики, связанной с попытками стимулирования перехода казахов-кочевников в лоно православия. Третья группа источников – материалы личного происхождения: Записки о путешествиях миссионеров киргизских православных миссий. Они, как правило, создавались в духе беллетристического жанра, где описывались суровые условия и трудности миссионерской работы, особенно в период поездок по Степи. В Записках содержится значительное количество информации о религиозном быте кочевников, деятельности среди них мусульманских проповедников. В совокупности анализ представленных групп источников позволяет в полном объеме выявить факторы, препятствовавшие продуктивной работе миссионеров киргизских православных миссий в Степном крае и Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. Основным массив использованных при подготовке статьи материалов выявлен в центральных архивах Республики Казахстан и Республики Узбекистан и впервые вводится в научный оборот.

Методологической основой статьи выступил цивилизационный подход, который позволяет рассматривать миссионерство Русской православной церкви в Центрально-Азиатском регионе Российской империи как попытку организации государством взаимодействия генетически разноплановых цивилизационных систем – христианской/православной культуры, носителем которой выступало славянское/оседлое население, с мусульманской культурой, носителем которой выступало кочевое казахское население. В статье использовались конкретно-исторические методы исследования. Историко-генетический метод позволил выявить глубинные факторы, влиявшие на процесс развития православной пропаганды в Казахской степи и отразившиеся в конечном итоге на ее эффективности. Историко-сравнительный метод был связан собственно с анализом хода миссионерства Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане – двух регионах центральноазиатских окраин Российской империи, выявлением общих и особенных причин незначительных успехов православного прозелитизма в них.

3. Обсуждение

Глубокое изучение проблемы, связанной с распространением православия в национальных регионах Российской империи, относится к постсоветскому периоду. Российские ученые исследуют миссионерскую деятельность Русской православной церкви на Урале, северо-востоке России, в Сибири, Забайкальском крае (Нечаев, 1997: 69-83; Лифантьева, 2001: 70-75; Батурич, Батурина, 2015: 7-12; Волнина, 2013: 37-41 и др.).

Объектом исследований историков является деятельность российских государственных чиновников, педагогических работников, оказывавших содействие работе миссионеров (Бородавкин, Храпова, 1994: 208; Жиров, 1998: 137-157; Файзрахманов, 2008: 146-150).

Одним из направлений научных изысканий является изучение христианизации мусульманских народов (Мавлютова, 2002: 195-197; Остапенко, 2018: 59-76; Мавлютова, 2016: 201-206).

Представляют интерес научные публикации и коллективные монографии, в которых раскрывается противомусульманская пропаганда миссионерских учреждений и православных проповедников (Лысенко, Ефименко, 2020: 793-809; Садвокасова, 2021: 37-42; Садвокасова, 2022: 462).

4. Результаты

Колониальная политика самодержавия на территории современного Казахстана проводилась в различных сферах жизни народа. Одно из направлений было связано с оказанием влияния на духовную, прежде всего религиозную жизнь казахов. К середине XIX века среди казахов был распространен ислам ханафитского толка, как наиболее приспособленного к условиям кочевой жизни и воззрениям казахов. Распространение этой религии арабскими миссионерами началось в Казахстане еще в VI веке. Государственной религией на территории Казахстана ислам был объявлен в X веке. В то же время в мировосприятии казахов продолжали бытовать элементы тенгрианства, вера в аруахов – духов предков. По этой причине в глазах соседних мусульманских и христианских народов казахи не выглядели ревностными правоверными, строго выполняющими требования и неукоснительно следующими предписаниям ислама. Русский исследователь А.И. Левшин, занимавшийся изучением Казахской степи и ее жителей, затруднялся при определении религиозной принадлежности казахов, тем не менее вынужден был признать, что «из всех частей смешения различных исповеданий преимущественно пред прочими обнаруживается магометанское» (Левшин, 1996: 314). Следует заметить, что религиозная политика самодержавия после вхождения Казахстана в состав Российской империи в XVIII веке была направлена на распространение и укрепление ислама

среди казахов. Во второй половине XVIII – начале XIX веков в Казахскую степь направлялись татарские муллы с целью укрепления среди казахов «своего» течения в исламе в противовес другим течениям, распространявшимся миссионерами из-за пределов Российской империи – арабами, персами, бухарцами и др. В то же время спорадические попытки привлечения казахов в лоно православия носили неорганизованный характер и были связаны с деятельностью служителей церкви, переселявшихся в начале XIX века вместе с русскими чиновниками, казаками и крестьянами в Казахскую степь.

Первая попытка перехода к организованному распространению православия среди казахов относится к 30-м годам XIX века, когда была учреждена Алтайская духовная миссия. Архиепископ Тобольский Евгений разрешил иеромонаху Макарию занять должность миссионера и просил генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова оказать содействие в устройстве миссии в Кокчетаве. В просьбе было отказано из опасений вызвать недовольство казахов. Запрет позволил усилить проповедь ислама.

Тем не менее правительство всячески содействовало переходу казахов из прежней веры в православие, стремясь создать благоприятную среду для крещеных. В законодательных актах, связанных с новыми правилами управления Казахской степью, особо оговаривались создаваемые для них условия. Так, в разделе о правах киргизов «Положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 1868 года два параграфа отводились неопитам: «247 Киргизам, принявшим христианство, дозволяется или оставаться в своих обществах, или прикочевывать к русским селениям в Степи, с сохранением предоставленных киргизам прав; 248. Принявшие христианство киргизы, если пожелают, могут приписываться к городским и сельским общинам всех наименований, не испрашивая на то предварительного согласия обозначенных обществ» (Жакыпбек, 2001: 88). Тем самым, во-первых, создавалась возможность оградить крещеных от враждебного отношения соплеменников, вплоть до убийства вероотступников. Во-вторых, закладывалась основа для инкорпорирования крещеных в православные общины, несмотря на неприятие ими новых единоверцев. В-третьих, указанные пункты использовались проповедниками православия в пропаганде Слова Божия, подчеркивавшими заботу правительства о своих единоверцах.

Только через 50 лет была учреждена православная миссия, в задачи которой входили не только проповедь христианства среди казахов, но и противодействие возраставшему влиянию ислама. Миссионеры в своей работе сталкивались с множеством препятствий. Одной из серьезных преград являлось мусульманское духовенство. Почти все миссионеры подчеркивали вред и зло, идущее от служителей ислама – татар, таджиков, сартов. Эти «религиозные вожжи киргизов – великое зло в орде как для самих киргизов, так в особенности для нашего Правительства: киргизов они развращают, а Правительству мешают проводить в орду свои идеи» (Миссионерский сборник, 1910: 157). Русскими чиновниками было замечено, что даже при выборе оседлого образа жизни казах чаще «усваивает быт не русский, а татарский» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 7). В дополнение к сказанному «татарско-магометанская грамотность, распространяющаяся между киргизами, разлагает народный склад и стремится обратить их в татар; чего в конце концов и достигнет, если не будут приняты меры к предупреждению этого» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 10). Привлекательность для казахов татарского быта и их грамоты объясняется прежде всего близостью уклада жизни и общностью происхождения языков.

Во Всеподданнейшем докладе туркестанского генерал-губернатора, генерала от инфантерии С.М. Духовского подчеркивалось: «Ислам, в настоящем его виде и силе, будучи учением, крайне инертным и враждебным христианской культуре, исключает всякую возможность полного нравственного ассимилирования с нами наших нынешних подданных мусульман. Чистый мусульманин, крепко верующий в букву Корана и шариата, не может быть искренним, верным другом христианина» (ЦГА РУ. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 5). Из этой констатации следует, что лишь искоренение ислама позволит сблизиться коренному населению с православными.

Миссионеры неоднократно отмечали, что их старания по привлечению в лоно православия сводились на нет резким ухудшением положения своих новых подопечных. С одной стороны, после крещения новообращенные сталкивались с негативным отношением к ним соплеменников. С другой – обещания миссионеров не всегда выполнялись гражданскими властями, вследствие чего принявшие православие казахи оказывались в несравненно худшем положении, чем до принятия христианства.

В качестве примера приведем рапорт от 27 ноября 1893 года священника Кирилло-Мефодиевской церкви при Николаевском одноклассном училище Федора Соколова на имя военного губернатора Тургайской области Я.Ф. Барабаша о выделении принявшим православие казахам земельных наделов. Из документа следует, что положение новокрещеных зависело большей частью от взгляда на них местной уездной администрации, не оказывавшей им какого-либо содействия. Отметив такое отношение чиновников, священник пишет о том, что к нему приходили казахи, желавшие принять крещение. Он направлял их в уездное управление «для получения вида и засвидетельствования его искреннего и непреодолимого желания принять святое крещение. Уездная администрация отказывалась засвидетельствовать последнее, а заботу о получении вида возлагала на самого же готовящегося к крещению, направляя его к волостному управителю. Такой прием уездной

администрации служит прямо к преграждению доступа в христианство со стороны киргиз» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 36-39). Необходимо пояснить, почему священник оценивает «такой прием» уездных властей как прямое препятствие для готовящегося к крещению. Дело в том, что волостные правители назначались из представителей степной аристократии или наиболее влиятельных баев. Если в отношении желающих принять православие уездная администрация создавала множество помех, то не лучше обстояло дело с наделением земель новокрещеных. Несмотря на распоряжение военного губернатора не тянуть с решением земельного вопроса, «обыкновенно приводятся в осуществление после продолжительного времени, после долгих со стороны киргиз и волостного управителя издевательств над новопросвещенным, и надел выдается не как законный, а как бы из сожаления к пропавшему их собрату, как будто киргиз принимает христианство в наказание!» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 37). Конечно, после указанных долгих мытарств принявший новую религию инородец испытывал обиду и разочарование, что зачастую приводило к возвращению в свою прежнюю веру.

Помимо наделения участком земли, миссионеры поднимали вопрос о приписке крещеных казахов к какому-либо обществу и снабжении их видом на жительство. Но, по свидетельствам проповедников православия, они не видели «ни малейшего участия со стороны уездной администрации и без чего, однако, положение новопросвещенных является, прежде всего, неупорядоченным» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 38).

Решения губернского начальства о выделении новокрещеным земли для образования особого поселка нередко оставались на бумаге, поскольку уездное руководство не спешило претворять их в жизнь. Как отмечал священник, «приведение в исполнение этого высокого распоряжения вашего превосходительства требует большой осмотрительности, а главное любви или по крайней мере сочувственного отношения к нарождающемуся здесь миссионерскому делу, чего судя по данным, я не могу видеть. К великому прискорбию, от местной уездной администрации поддержки нету» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1426. Л. 39).

Игнорирование запросов миссионеров местными чиновниками негативно отражалось на их дальнейшей работе. Передававшиеся по Степи вести о нелегкой жизни вчерашних соплеменников, отказавшихся от религии предков, порождали соответствующие настроения. Такие примеры приводили казахов к заключению: беречь свою веру и не поддаваться обещаниям хороших перемен после перехода в православие.

Усложнялось положение новокрещеных и тем, что, разрывая связь со своими единоплемниками, они подвергались еще преследованиям с их стороны. Вчерашние сородичи почти всегда относятся «неприятно к обращающимся в христианство, считая их отступниками от веры отеческой и своего племени и всячески теснят в пользовании землей и другими хозяйственными угодьями. С другой стороны, новообращенному трудно прочно примкнуть и к русскому крестьянскому обществу (если оно есть вблизи), и еще труднее – к казачьему, и это потому, во-первых, что как те, так и другие к новокрещеным относятся часто с предубеждением против них и, во-вторых, очень дорожат землей, чтобы отвести ее в надел чужим, пришлым людям» (Елисеев, 1900: 172). И здесь возникали новые проблемы перед миссионером: охранять крещеного казаха от своих и создавать для него условия, если не лучше, то хотя бы не хуже прежнего. Как свидетельствуют документы, решить возникавшие задачи удавалось не всегда.

Еще одним примером может служить судьба одного из выпускников Перовского городского училища Тургайской области Алексея Петровича Степанова, получившего это имя после крещения. До принятия христианства он звался Кипчан Джуманыходжинов (Джуманов). В городе Кустанае обряд крещения вместе с ним прошли еще 30 человек. Им должны были выделить землю для создания поселка из крещеных кочевников. Об обещании скоро забыли, не вспоминали также и самих новоиспеченных «русских». Главное – задача по привлечению инородцев в лоно православия – было выполнено. Ожидания же крещеных оказались, к сожалению, иллюзорными.

Владеющий русской грамотой крещеный Джуманов-Степанов оказался в Казани. Помыкавшись около полугода, он писал о том, что вынужден ходить по разным учреждениям с просьбой принять его на работу, но везде получает отказ. Отчаявшись, он заключает: «Я весь прожился, задолжал, я ж – отставной, того гляди, в какой части в яму посадят. Да разве я не русский человек?» (Мироппиев, 1901: 136). Звание учителя начального и приходского училища не дало А.П. Степанову возможности реализовать свои знания и способности. Хотя, судя по отчету военного губернатора Тургайской области за 1896 год, именно в это время здесь озаботились «об устранении недостатка в учительском персонале» (ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 29. Л. 4). Даже дефицит учительских кадров не изменил положения крещеного.

Подобные случаи встречались довольно часто. Окончив русские учебные заведения, молодые казахи становились чужими среди своих. В Докладной записке об учреждении учительской школы для «инородцев» Оренбургского края от 11 марта 1871 года миссионер, востоковед Н.Н. Ильминский писал: «Я заметил в степи, что киргизские юноши, получившие и довольно усвоившие русское образование в кадетском корпусе, остаются как-то одиноко и бесприютно среди киргизского народа, их русским идеям никто не сочувствует и не подражает» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2216. Л. 7).

Обстоятельства складывались таким образом, что полученные знания оставались не востребованными: казахи не принимали выпускников русских учебных заведений, а гражданские власти и переселенцы не нуждались в образованных инородцах.

Совершенно иначе обстоит дело с выпускниками мусульманских учебных заведений. Русские чиновники отмечали, что дети богатых киргизов (казахов) получали образование в бухарских и татарских медресе. По их мнению, полученное юношами мусульманское образование оказывало вредное влияние на казахов, укрепляло среди них ислам. Эти выпускники пользовались «необыкновенным почётом среди киргизов и каждому его слову внимают с благоговением. Киргизы, имеющие возможность отдать своих детей такому «молде», почитают себя счастливейшими» ([Препятствия и нужды..., 1893: 5](#)).

Как известно, близкие контакты представителей разных культур приводят к взаимопроникновению и взаимообмену различными элементами, по той или иной причине привлекательных как для одной, так и для другой стороны. Неожиданным, хотя и естественным, стало появление окиргизившихся, омульманившихся русских переселенцев – казаков, крестьян. Переселенцы, оказавшись в непривычной среде, перенимали язык и обычаи местных жителей. Происходила естественная адаптация к новым условиям. К примеру, заготовка мяса, проводившаяся ежегодно в зимнее время казаками, принята была и переселенцами. В своей работе, посвященной Сибирскому казачьему войску, известный путешественник и этнограф Г.Н. Потанин писал о том, что казаки совершенно не пренебрегают казахским языком и даже используют его в своей среде в качестве разговорного. Казаки перенимали культуру казахского народа, пели песни, представляющие «смесь киргизского и русского языков» ([Потанин, 1891: 36](#)). Последствия влияния казахов на казаков отражались и на одежде последних. Некоторые русские путешественники в своих записках отмечали, что на всем пути они видели казаков, которые «и на службе носят чаще всего киргизские халаты» ([Радлов, 1989: 83](#)). Казаки же при полной парадной форме, соответствующей их сословию, вызывали даже удивление проезжающих. К сожалению, перенимались и не самые лучшие обычаи. Имевшую давнюю историю барымту (баранту), с помощью которой разрешались межплеменные и межродовые конфликты, переняли и казаки и возвели ее «до того же искусства, как и у самих киргизов» ([Потанин, 1891: 37](#)).

Влияние казахов на русских казаков, соседствующих по границе «киргизской степи» отмечал и исследователь Сибири и Центральной Азии Н.М. Ядринцев. Им указывалось на то, что казаки местами переходили к скотоводству, «нравы киргиз проникли в среду офицерского сословия. Иногда офицеры возвращались в города совершенно «окиргизившиеся» ([Ядринцев, 1891: 64](#)). Однако проповедники столкнулись не только с указанными явлениями, но и с вопросами, связанными с религиозными воззрениями казаков.

Волновали служителей Русской православной церкви изменения, происходившие у казаков по отношению к христианской вере. Священник Флоро-Лаврской церкви Коряковской станицы докладывал епископу Омскому и Семипалатинскому, а также атаману Сибирского казачьего войска о фактах нарушения религиозных требований православными. Церковнослужитель писал о том, что лица из казачьего населения не исполняют долга исповеди в течение ряда лет. Некоторые не посещают церковь. Пастырские увещания совершенно не действуют. В список, составленный священником, включены были фамилии более трех десятков человек в возрасте от 23 до 55 лет ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 876. Л. 3-7](#)). Отмечались целые семьи, перешедшие из православия в ислам. В рапорте, направленном в Сырдарьинское правление Туркестанского генерал-губернаторства, приводятся данные о том, что 7 человек переходят из «православия в магометанство всей семьей» ([ЦГА РУ. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 2058. Л. 107](#)).

Желание перейти в ислам православных женщин заслуживает особого внимания. Чаще всего такой поступок они объясняли любовной связью. Так, отказ казачки Бородихиной от православия, которой пытался сделать внушение служитель церкви, был связан с вступлением в «преступное сожителство» ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1265. Л. 5-6](#)) с мусульманином, следствием чего стало принятие ею ислама. Своего сына она наряжала в татарскую одежду, сама совершала омовение и другие обряды магометанской религии. Попытка священника воздействовать на нее с помощью родителей никаких результатов не дала. «По долгу пастыря я давал родителям девицы пастырское увещание о христианском прощении виновной дочери и об использовании родительской власти» ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6](#)). Особенно удивило служителя церкви поведение отца, не спешившего оказать влияние на дочь. Он вынужден был признать, что данный факт являлся подтверждением равнодушного отношения большинства казаков к религиозным вопросам.

Случай с казачкой оказался не единственным. Количество желающих принять мусульманство увеличилось после Указа императора от 17 апреля 1905 года, дающего право «свободы веры». К 1907 году в Туркестане до 500 русских девушек «отпали» в ислам ([ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 16](#)).

На новых землях русские переселенцы сталкивались с определенными трудностями. Наблюдая за жизнью коренных жителей, они видели поддержку малоимущих со стороны сородичей, что побуждало иногда на принятие непростого решения. В марте 1910 года епископ Туркестанский и

Ташкентский в своем докладе писал, что ему неоднократно доносили об отказе православных от своей веры. Причем он вынужден был признать, что к изменению веры православных подтолкнули собственные материальные трудности и наблюдаемый ими непривычный уклад жизни мусульманской общины. Особенно привлекательным было то, что в ней была широко организована «материальная помощь нуждающимся сочленам» (ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 3). Факты появления омусульманившихся и окиргизившихся русских переселенцев вызывали негативную реакцию гражданского и церковного начальства, когда «отступники от православия объясняют свой поступок расположением к религии Магомета» (ЦГА РУ. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 53. Л. 5). Один из миссионеров в ходе своих поездок в 1892 году по киргизским степям в Тургайской области с целью пропаганды православия посетил и русские селения. По поводу этой поездки он писал в отчете о замеченных фактах ассимиляции переселенцев, выразившихся в том, что многие из них на протяжении долгого времени не выполняют заповеди русской церкви, дети забыли родной язык и в повседневной жизни используют казахский, учатся в ауле у муллы. Объехавший более тысячи верст за 42 дня и посетивший 1 596 русских поселенцев, проживавших среди казахов, миссионер, уверенный в том, что русские крестьяне будут влиять на коренных жителей, вынужден был признать, что увиденное им, скорее всего, свидетельствовало об обратном. Крестьян, живущих «среди киргиз и почти забывших русский язык» (Отчет миссионера, 1893), вряд ли можно было считать помощниками проповедника православия.

Миссионер Е. Елисеев во время своих поездок встретился «близ Марка-Куля с письмоводителем Калджирской волости, человеком по происхождению русским, но по образу жизни и костюму – скорее магометанином» (Елисеев, 1900: 24). Выразив свое недовольство относительно нерусской одежды коллежского асессора – халата и турецкой фески, миссионер подчеркнул, что русский человек, «облеченный доверием начальства» должен служить примером святому делу просветительства веры Христовой. Вероятно, миссионер не оставил без внимания пренебрежение окиргизившегося чиновника и посодействовал его удалению, поскольку уездная администрация позже отстранила от службы этого асессора в халате и феске.

Таким образом, миссионеры не всегда могли рассчитывать на помощь русских переселенцев в увеличении рядов христиан из числа казахов. Проповедники православия вынуждены были признать, что образ жизни отдельных новоселов никак не способствует проводимым мерам по привлечению инородцев в новую веру. Более того, перечисленные трансформации православного русского человека в мусульманина или казаха напрямую противоречили проводимой религиозной политике самодержавия в национальных регионах. По мнению миссионеров, подобные факты могли вызвать нежелательную реакцию казахов на пропаганду православия, так как окиргизившиеся и омусульманившиеся русские являлись наглядным примером признания и принятия ими инородческой культуры и религии.

Переселявшиеся в казахские степи крестьяне порой проявляли недоброжелательность в отношении коренных жителей. Среди таковых выделялись прежде всего раскольники (старообрядцы) и другие сектанты. Казахам сложно было отличить последователя официальной религии от адептов иных течений. По внешнему виду они все были одинаковы, все были русские. Раскольники, по характеристике миссионера Е. Елисеева, отличались грубостью и пренебрежением не только к казахам, но и к православным русским. Они создавали образ недоброго русского человека, обижающего казахов. Приводились факты жестокого обращения с кочевниками, разгона поселившихся поблизости коренных жителей выстрелами из ружей. Сами русские называли их быловодцами, потому что они, «избегая отбывания воинской и других повинностей, ушли далеко к быловодью, т.е. к таким местам, где сказочные кисельные берега и молочные реки. Киргизы же эти русские деревни называли «Жаман-Кала», т.е. дурные деревни, а самих жителей называют «жаман-урыс, т.е. дурной русский» (Елисеев, 1900: 26) (Неправильный перевод. «Жаман» в переводе с казахского – «плохой». То есть, плохой город, плохой русский. – Авт.). Подобная оценка казахами раскольников могла иметь нежелательные последствия для пропагандистской работы. Миссионеру надо было убеждать казахов в том, что это другие русские и их вера отличается от той, которую он проповедует.

Следует отметить, что старообрядцы являлись еще одним объектом миссионерской деятельности. Служителей церкви волновала нежелательная реакция инородцев на раскольников. В предписании от 4 сентября 1893 года Оренбургской духовной консистории по указу императора Александра III ставилась задача о проведении миссионерской деятельности среди раскольников. Духовенству строго предписывалось, помимо совершения церковной службы для раскольников «по чину и благоговейно, читать ясно и внятно, пения придерживаться старинного и умирительного, и избегать пения крикливого и чуждого церковного характера, крестное знамение возлагать на себя истово» (ЦГА РК. Ф. 706. Оп. 2. Д. 3. Л. 91), учитывать их предубеждения. Священникам указывалось, что они должны непрерывно вести миссионерское дело, действуя против раскольников. Им следовало «выбирать из среды прихожан людей, способных и расположенных вести собеседования с раскольниками и сектантами о предметах их разномыслия с церковью и содействовать таковым лицам в и трудах наставлениями, указаниями и в особенности снабжением их необходимыми книгами» (ЦГА РК. Ф. 706. Оп. 2. Д. 3. Л. 92об.). Постоянное внимание и миссионерская работа с

раскольниками должны были привести к сокращению их числа и тем самым устранить нежелательную помеху в деле распространения православия среди казахов.

Еще одним фактором, препятствующим распространению православия, явилось то, что крещеные казахи вместе с устоями христианской веры, к огорчению проповедников, перенимали отдельные традиции русского народа, связанные с употреблением спиртного. В отчетах миссионеров приводились факты буйства и разлада в семьях крещеных казахов на почве пьянства. До общения с русскими подобные явления среди кочевников не наблюдались, так как по шариату алкоголь был под строгим запретом. Как писал известный русский путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, «драк в семье, при всей прирожденной грубости киргиз, не бывает; даже дети редко наказываются телесно» (Семенов, 1885: 192). С принятием православия некоторые крещеные казахи стали вести нетрезвый образ жизни. Миссионер отмечал, что у них «выпивкой сопровождается семейная радость, всякая удача в продаже земли без ведома миссионера, как хозяина стана. Некоторые предаются этому пороку по случаю и без случая» (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 83. Л. 204).

В то же время отдельные представители духовенства были не без греха относительно трезвого образа жизни. Даже проводимый отбор среди служителей церкви не смог избавить ее от пьющих. Те, кто своим безупречным поведением и образом жизни должен был стать примером и тем самым привлекать в лоно православия коренное население, сами мало чем отличались от мирян своей тягой «заложить за воротник». Вышестоящие духовные инстанции получали немало сведений из разных мест о нетрезвых церковных служителях, нарушавших порядок при богослужении.

В 1872 году в Туркестанскую духовную консисторию поступили донесения о пьянстве псаломщика и пономаря кафедрального собора, которые, будучи не в состоянии «выстоять богослужения, выходили из храма при чтении псалмов, оскорбили при выходе генеральшу Михайловскую, громко разговаривали и смеялись во время литургии» (ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 6. Л. 12). Подобное поведение не только оскорбляло религиозные чувства прихожан, но и серьезным образом вредило проповеди христианства среди инородцев. Если наблюдение пьяных православных в быту не способствовало привлечению иноверцев в лоно церкви, то что уж говорить о появлении нетрезвых и неподобающем их поведении в божьем храме.

Разумеется, церковные служители, понимая пагубность увлечения алкоголем русского населения, проводили упорную борьбу с этим злом. Одним из ярых противников употребления горячительных напитков являлся аулие-атинский протоиерей А. Богословский. Его хлопоты о полном прекращении употребления всякого рода алкоголя заслуживают особого внимания. Наглядным примером для него служило коренное население, ведущее трезвый образ жизни. В борьбе с этим пороком в помощь ему было и вышедшее антиалкогольное постановление Туркестанской духовной консистории (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 100. Л. 3). В связи с этим он часто выступал с проповедями, беседовал на указанную тему в школах и других местах. Проводил опрос русского населения относительно вреда алкоголя, агитировал за трезвый образ жизни, создание общества непьющих. В результате его активных действий от 5 тысяч русского населения Аулие-Аты (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 31. Л. 7) было собрано 300 подписей, половина из которых принадлежала женщинам. В числе подписавшихся было также небольшое количество несовершеннолетних. Любопытно отметить, что через некоторое время отдельные лица из этого списка обращались с просьбой о разрешении на покупку бутылки водки.

Поддерживая антиалкогольные действия священнослужителей, миссионеры предлагали дополнительные меры по пресечению этого дурного искушения для казахов. Они выразились в запрете открытия винных лавок и кабаков, особенно в миссионерских селениях. Считая кабак соблазном не только для русских людей, но и для крещеных казахов, миссионеры делают следующий вывод: «если правительство считает нужным принимать меры против пьянства, – то еще нужнее сделать это для новокрещеных инородцев...», которых в конце XIX века уже характеризовали как «очень слабых и падких на водку. И чем меньше будет для них соблазна в этом отношении, тем лучше» (Елисеев, 1900: 180).

Еще одно явление, создававшее трудности в деле распространения православия, наблюдалось в среде русских рабочих. Миссионер, близко столкнувшийся с ними, отмечает вредное влияние русских рабочих, создающих неблагоприятные условия для работы миссии. Проповедник православия, давая характеристику «сибирскому рабочему люду», пишет о «вредном влиянии этого элемента». Нелестные отзывы связаны с тем, что рабочие «заражают инородцев сквернословием настолько, что между последними можно встретить детей и не только мальчиков, но и девочек, бранящихся скверными словами. С другой стороны, примеры приисковых рабочих начинают мало-помалу увлекать и самих инородцев к разгульной, бесшабашной приисковой жизни» (Отчет о миссиях..., 1892: 14). Очевидно, такое общение и особенно подражание казахов образу жизни рабочих не способствовало успешности миссии.

5. Заключение

Таким образом, исходя из анализа приведенных документальных материалов, можно выделить три группы факторов, препятствовавших распространению православия в среде казахов во второй

половине XIX – начале XX веков. Первая группа факторов относится к деятельности гражданской администрации и церковных служителей:

- неказание содействия желающим принять православие и крещеным казахам со стороны гражданских властей, прежде всего на уездном уровне. Следствием такого небрежения становились ухудшение положения крещеных казахов, разочарование и возврат к прежней вере. В свою очередь незавидная участь неопитов служила убедительным доводом в пользу сохранения традиционной веры;

- пьянство отдельных церковных служителей. Такой порок особенно нетерпим для представителей духовенства, поскольку дискредитировал в глазах инородцев не просто их самих, но и их веру. Соответственно, доводы миссионеров в пользу христианства теряли убедительность.

Вторая группа факторов связана с взаимодействием переселенцев с коренным населением:

- недоброжелательное, порой враждебное отношение отдельных категорий переселенцев к коренному населению. Негативное восприятие казахами таких переселенцев распространялось, естественно, и на их веру;

- небрежное отношение к исполнению христианского долга некоторых переселенцев, прежде всего казаков. Сюда также можно отнести распространение среди отдельных групп переселенцев таких пороков, как пьянство и сквернословие. Эти факты также не добавляли убедительности проповеди миссионеров;

- привлекательность для переселенцев образа жизни и обычаев коренного населения как наиболее приспособленного к условиям среды обитания. Для представительниц женского пола дополнительным мотивом становились личные чувства. Окиргизивание зачастую влекло за собой и омусульманывание, что также наносило ущерб делу распространения христианства.

Третья группа факторов относится к коренному населению:

- распространение и укрепление позиций ислама в среде казахов, в том числе и за 50-летний период, предшествующий началу миссионерской деятельности на территории Казахстана. Искоренение ислама, такой же религиозной доктрины, как и христианство, оказалось значительно более трудным делом, чем победа над язычеством;

- родовая организация казахского общества. Жизнь и благосостояние кочевника целиком зависели от силы его рода, которая позволяла защищать пастбища и пути кочевков, табуны лошадей, стада коров и отары овец от агрессивных соседей. Поэтому разрыв связи с родом был очень болезненным для казаха, оставляя его порой практически без средств к существованию.

Перечисленные факторы явились одной из причин неэффективности и низкой результативности миссионерской деятельности.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта по программно-целевому финансированию КН МВОН РК OR11465469 по теме: «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в семи томах».

Литература

Батурич, Батурина, 2015 – Батурич С.П., Батурина Т.В. К вопросу о вероисповедной политике Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере Сибири) // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 4(64). С. 7-12.

Бородавкин, Храпова, 1994 – Бородавкин А.П., Храпова Н.Ю. Сперанский и Алтайская миссия // *Культурное наследие Сибири*. Барнаул, 1994. 208 с.

Волнина, 2013 – Волнина Н.Н. Особенности миссионерской деятельности русской православной церкви в Забайкальском крае конца XIX – начала XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Грамота. Тамбов, 2013. № 12(38): В 3-х ч. Ч. I. С. 37-41.

Елисеев, 1900 – Елисеев Е. Записки миссионера Буконского стана Киргизской миссии за 1892–1899 гг.: Буконского миссионера, священника Ефрема Елисеева. СПб., 1900. 172 с.

Жакыпбек, 2001 – Жакыпбек С.К. История Казахстана. Сборник документов XVIII – начала XX веков / Под общей ред. Алматы, 2001. 307 с.

Жировов, 1998 – Жировов В.И. К.П. Победоносцев – идеолог российского самодержавия рубежа XIX–XX вв. / *Российская монархия: вопросы истории и теории*. Воронеж, 1998. С. 137-157.

Левшин, 1996 – Левшин А.И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. 656 с.

Лифантьева, 2001 – Лифантьева Н. Распространение православия на северо-востоке России // *Отечественные архивы*. 2001. № 4. С. 70-75.

Лысенко, Ефименко – Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.) // *Вестник РУДН. Серия «История»*. 2020. № 4. С. 793-809.

Мавлютова, 2002 – Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири / *Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. Томск-Омск, 2002. С. 195-197.

Мавлютова, 2016 – Мавлютова Г.Ш. Христианизация мусульман Тобольской губернии в начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 201-206.

Мирописев, 1901 – *Мирописев М.А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901. 515 с.

Миссионерский сборник..., 1910 – Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Издание Астраханского комитета Православного миссионерского общества. Астрахань, 1910. 304 с.

Нечаев, 1997 – *Нечаев М.Г.* Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905–1916 гг.) // *Христианское миссионерство как феномен истории и культуры / Материалы международной научно-практической конференции*. В 2 т. Т. 1. Пермь, 1997. С. 69-83.

Остапенко, 2018 – *Остапенко Р.А.* Православная миссия среди адыгов Северо-Западного Кавказа: социокультурные условия, трудности, итоги (1864–1917) // *Наследие веков*. № 2. 2018. С. 59-76.

Отчет о миссиях..., 1892 – Отчет о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 год. Томск, 1892. 71 с.

Отчет миссионера – Отчет миссионера // *Оренбургский край*. № 5. 1893.

Потанин, 1891 – *Потанин Г.* Заметки о Сибирском казачьем войске // *Военный сборник*. Т. XIX. № 5–6. 1891. С. 25-48.

Препятствия и нужды..., 1893 – Препятствия и нужды Киргизской миссии. Отчет о деятельности Томской епархии Алтайской и Киргизской православных миссий за 1892 год // *Православный благовестник*. № 11. 1893. С. 4-5.

Радлов, 1989 – *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989. 749 с.

Садвокасова, 2021 – *Садвокасова З.Т.* Противомусульманская деятельность православных миссионеров и ее последствия / *Материалы международной научно-практической конференции «Независимый Казахстан: история создания и актуальные проблемы государственности», посвященной 30-летию независимости Республики Казахстан в рамках «Нурпеисовских чтений»*. Алматы, 2021. С. 37-42.

Садвокасова, 2022 – *Садвокасова З.Т.* Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков). Алматы, 2022. 462 с.

Семенов, 1885 – *Семенов П.П.* Живописная Россия. Русская Средняя Азия. Т. 10. М.-СПб., 1885. 448 с.

Файзрахманов, 2008 – *Файзрахманов Л.М.* Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед // *Известия АлтГУ*. № 4/1. 2008. С. 146-150.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Ядринцев, 1891 – *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

References

Baturin, Baturina, 2015 – *Baturin, S.P., Baturina, T.V.* (2015). K voprosu o veroispovednoi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe 19-20 vekov (na primere Sibiri) [To the Issue of the Religious Policy of the Russian Empire at the Turn of the 19th-20th Centuries (on the Example of Siberia)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(64): 7-12. [in Russian]

Borodavkin, Khrapova, 1994 – *Borodavkin, A.P., Khrapova, N.Yu.* (1994). Speranskii i Altaiskaya missiya [Speransky and Altai mission]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. Barnaul, 208. p. [in Russian]

Eliseev, 1900 – *Eliseev, E.* (1900). Zapiski missionera Bukonskogo stana Kirgizskoi missii za 1892–1899 gg.: Bukonskogo missionera, svyashchennika Efrema Eliseeva [Notes of the missionary of the Bukonsky camp of the Kirghiz mission for 1892-1899: Bukonsky missionary, priest Efrem Eliseyev]. Sankt-Peterburg, 172 p. [in Russian]

Faizrahmanov, 2008 – *Faizrahmanov, L.M.* (2008). N.P. Ostroumov – missioner i islamoved [Ostroumov – missionary and Islamic scholar]. *Izvestiya AltGU*. 4/1: 146-150. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kazak, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. *Almaty*, 656 p. [in Russian]

Lifant'eva, 2001 – *Lifant'eva, N.* (2001). Rasprostranenie pravoslaviya na severo-vostoke Rossii [The Spread of Orthodoxy in the North-East of Russia]. *Otechestvennye arkhivy*. 4: 70-75. [in Russian]

Lysenko, Efimenko, 2020 – *Lysenko, Yu.A., Efimenko, M.N.* (2020). Kirgizskaya antiislamskaya missiya Orenburgskoi eparkhii (90-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Kirghiz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s – early 20th century)]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya*. 4: 793-809. [in Russian]

Mavlyutova, 2002 – *Mavlyutova, G.Sh.* (2002). Ob obrashchenii v pravoslavie tatar Zapadnoi Sibiri [On the conversion of Western Siberia Tatars to Orthodoxy]. *Tyurkskie narody: Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»*. Tomsk-Omsk, pp. 195-197. [in Russian]

[Mavlyutova, 2016](#) – *Mavlyutova, G.Sh.* (2016). Khristianizatsiya musul'man Tobol'skoi gubernii v nachale XX v. [Christianization of the Tobolsk province Muslims in the early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 411: 201-206. [in Russian]

[Miropiev, 1901](#) – *Miropiev, M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian indigenous people]. SPb., 515 p. [in Russian]

[Missionerskii sbornik..., 1910](#) – *Missionerskii sbornik statei i zametok o kalmykakh i kirgizakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii* [Missionary collection of articles and notes about the Kalmyks and Kirghiz nomads in the Astrakhan province]. Izdanie Astrakhanskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva. Astrakhan', 304 p. [in Russian]

[Nechaev, 1997](#) – *Nechaev, M.G.* (1997). Missionerskaya deyatel'nost' tserkvi na Urale (1905–1916 gg.) [Missionary activity of the church in the Urals (1905–1916)]. *Khristianskoe missionerstvo kak fenomen istorii i kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2 t.* T. 1. Perm', pp. 69-83. [in Russian]

[Ostapenko, 2018](#) – *Ostapenko, R.A.* (2018). Pravoslavnaya missiya sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza: sotsiokul'turnye usloviya, trudnosti, itogi (1864–1917) [Orthodox mission among the Circassians of the North-Western Caucasus: socio-cultural conditions, difficulties, results (1864–1917)]. *Nasledie vekov*. 2:59-76. [in Russian]

[Otchet missionera](#) – *Otchet missionera. Orenburgskii krai*. 1893. 5. 71 p. [in Russian]

[Otchet o missiyakh..., 1891](#) – *Otchet o missiyakh Tomskoi eparkhii Altaiskoi i Kirgizskoi za 1891 god* [Report on the missions of the Tomsk diocese of Altai and Kirghiz for 1891]. Tomsk, 1892. [in Russian]

[Potanin, 1891](#) – *Potanin, G.* (1891). Zametki o Sibirskom kazach'em voiske [Notes on the Siberian Cossack Host]. *Voennyi sbornik*. XIX(5-6): 25-48. [in Russian]

[Prepyatstviya i nuzhdy..., 1893](#) – *Prepyatstviya i nuzhdy Kirgizskoi missii. Otchet o deyatel'nosti Tomskoi eparkhii Altaiskoi i Kirgizskoi pravoslavnykh missii za 1892 god* [Obstacles and Needs of the Kirghiz Mission. Report on the activities of the Tomsk diocese of the Altai and Kirghiz Orthodox missions for 1892]. *Pravoslavnyi blagovestnik*. 11: 4-5. [in Russian]

[Radlov, 1989](#) – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri [From Siberia]. M., 749 p. [in Russian]

[Sadvokasova, 2021](#) – *Sadvokasova, Z.T.* (2021). Protivomusul'manskaya deyatel'nost' pravoslavnykh missionerov i ee posledstviya [Anti-Muslim activity of Orthodox missionaries and its consequences]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nezavisimyi Kazakhstan: istoriya sozdaniya i aktual'nye problemy gosudarstvennosti», posvyashchennoi 30-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan v ramkakh «Nurpeisovskikh chtenii»*. Almaty, pp. 37-42. [in Russian]

[Sadvokasova, 2022](#) – *Sadvokasova, Z.T.* (2022). Musul'manskie i pravoslavnye missionery v Kazakhstane: deyatel'nost' i rezul'taty (XIX – nachalo XX vekov) [Anti-Muslim activity of Orthodox missionaries and its consequences (XIX – early XX centuries)]. Almaty, 462 p. [in Russian]

[Semenov, 1885](#) – *Semenov, P.P.* (1885). Zhivopisnaya Rossiya. Russkaya Srednyaya Aziya [Picturesque Russia. Russian Central Asia]. T. 10. SPb, M., 448 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsGA RU](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

[Volnina, 2013](#) – *Volnina, N.N.* (2013). Osobennosti missionerskoi deyatel'nosti russkoi pravoslavnoi tserkvi v Zabaikal'skom krae kontsa XIX – nachala XX v. [Features of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Trans-Baikal Territory of the late XIX – early XX centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Gramota*. Tambov. №12 (38): v 3-kh ch. Ch. I. Pp. 37-41. [in Russian]

[Yadrintsev, 1891](#) – *Yadrintsev, N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [Yadrintsev N.M. Siberian indigenous people, their way of life and current situation]. SPb., 308 p. [in Russian]

[Zhakypbek, 2001](#) – *Zhakypbek, S.K.* (2001). Istoriya Kazakhstana. Sbornik dokumentov XVIII – nachala XX vekov [History of Kazakhstan. Collection of documents of the 18th – early 20th centuries]. Almaty, 307 p. [in Russian]

[Zhirovov, 1998](#) – *Zhirovov, V.I.* (1998). K.P. Pobedonostsev – ideolog rossiiskogo samodержaviya rubezha XIX–XX vv. [Pobedonostsev – the ideologist of the Russian autocracy at the turn of the XIX–XX centuries]. *Rossiiskaya monarkhiya: voprosy istorii i teorii*. Voronezh, pp. 137-157. [in Russian]

Факторы, препятствовавшие распространению православия среди казахов во второй половине XIX – начале XX веков

Закиш Тулехановна Садвокасова ^a, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a,
Юлия Александровна Лысенко ^{b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

^b Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документальных источников, впервые вводимых в научный оборот, освещаются отдельные факторы, препятствовавшие распространению православия среди казахов во второй половине XIX – начале XX веков. Трудности, встречавшиеся в деятельности православных миссионеров, не всегда были связаны с негативным отношением к новой религии коренных жителей и служителей ислама. Нередко казахи с интересом и любопытством слушали речи православных проповедников, замечавших эту реакцию кочевников. Используя такое отношение, они делали упор на заинтересовавшие места своей просветительской беседы. Опытные миссионеры знали, что казахи в силу своего образа жизни рады были послушать любого человека, и старались осторожно привлечь их внимание к вопросам религии. Новички, недостаточно верно оценивая ситуацию, могли навредить работе, если сразу без подготовки резко отзывались о вере казахов, служителях ислама, что вряд ли помогало увеличить количество крещеных.

Отдельные препятствия на пути пропаганды православия создавали русские переселенцы, что совершенно не могли предвидеть миссионеры. Русские чиновники колониальной администрации, к примеру, на словах поддерживали деятельность православных миссионеров. На деле, что бывало довольно часто, «забывали» о своих обещаниях, когда миссионер оставлял новокрещеных один на один с чиновником. Ряд других факторов, связанных со сложностями внедрения православия среди казахов, создавали и русские переселенцы. К ним можно отнести некоторые традиции, касающиеся употребления спиртных напитков. В статье дается информация и о других преградах.

Ключевые слова: русские переселенцы, крещеные казахи, православие, ислам, факторы, препятствие, миссионеры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко),
tungatar_k@mail.ru (З.Т. Садвокасова), kabulzia@rambler.ru (З.Е. Кабульдинов)